

К ВОПРОСУ О КУРАКСКОМ ТРАКТАТЕ 1805 ГОДА В РУССКО-ПЕРСИДСКИХ ОТНОШЕНИЯХ И АРМЯНСТВЕ АРЦАХА-КАРАБАХА *

Степан Дадаян

Ключевые слова: Арцах-Карабах, меликство, Армения, Куракский трактат, Цицианов, Персия, шертная грамота, Гюлистанский договор, покровительство.

Территория Закавказья веками была ареной опустошительных войн. В течение столетий одни вражеские полчища сменялись другими. Сюда приходили персы, византийцы, арабы, сельджуки, татары-монголы и снова персы.

Образование русского Московского государства (во второй половине XV в.) и его укрепление значительно повлияло на политическое развитие христианского мира Закавказья. В судьбах христианских народов региона (армян и грузин), в их борьбе против персидского владычества и Османской Турции христианская Россия сыграла особую роль.

В этой борьбе, которая имела ярко выраженную религиозную окраску, и зарождалась политическая ориентация армян на ближайшее христианское государство – Россию. Находясь под игом шахской Персии, в окружении османских турок и кочевых племен, армянское население Арцаха-Карабаха было вынуждено вести национально-освободительную борьбу, в которой обеспечение физической, национальной и религиозной безопасности было главной задачей. Поэтому появилась необходимость определиться в целях своей политической борьбы.

На рубеже нового XIX века интересы держав на Южном Кавказе столкнулись в рамках новой геополитической конфигурации. С одной стороны, Ага-Мухаммед шах в 1796-1797 гг., после почти полувековой междоусобной войны пыталась в качестве сюзерена отстоять эти территории. С 1797 года новый шах Персии Фатали старался укрепить страну и наказать отколовшихся в междуречье Куры и Аракса правителей, т.н. ханов-самозванцев***.

* Հոդվածն ընդունվել է 24.09.19:

Հոդվածը տպագրության է երաշխավորել խմբագրական խորհրդի անդամ, պ.գ.դ., պրոֆեսոր Է. Մինայանը: 07.10.19:

***После смерти шаха Надира (1747г.) в Персии до 1796г. отсутствовала единая политическая власть. Персия была раздроблена на отдельные самопровозглашенные ханства, главами которых стали вожди племен, обитавших по всей территории Персии. Активизировались и главари бандформирований. Последние вели кочевой образ жизни, занимаясь разбоем и воровством. В Мильской степи (междуречье Куры и Аракса) вело разбойничало племя "джеваншир", которое проникло на территорию Южного Кавказа вместе с войсками Тамерлана в XIV в. Азербайджанский историк З.Гаджиева пишет: "Джеванширы – это тюркские племена, которые пришли в Анатолию во времена монгольского Холаку -хана, а в период эмира Тимура (вторая половина XIV в.) они были переселены в Карабах" [1]. В 1736г. шах Надир за их беззакония переселил племена "джеваншир" из равнинного Карабаха на восток страны – в Хорасан, а главаря банды, Панаха, оставил при себе под особым присмотром [2]. Панах спасся от шаха бегством в степи, где, собрав пару сотен всадников – разбойников, объявил себя "ханом" [15, 18]. Самовольное присвоение ханского звания было в традиции главарей разбойничьих банд, что служило им для самоутверждения у своих же сородичей, степных разбойников. Получив действенную помощь от мелика Варанды Шахназара, Панах благополучно обосновался в Шуши в качестве главаря вооруженной банды, которая должна была оказать мелнку соответствующую услугу в борьбе с другими меликами Арцах-Карабаха.

В числе государств, которые стремились закрепить свои позиции в регионе, была и Россия. Петербургский императорский двор в течение всего XVIII в. военными походами и договорами, а также в письмах к армянским меликам и предводителям духовенства постоянно напоминал о своих стратегических целях: укрепиться в регионе, содействовать созданию на базе армянского Арцаха-Карабаха союзнического армянского государства [5, с. 23]. К концу XVIII в. план царской России по созданию на основе Арцаха-Карабаха армянского государства трансформировался в политику покровительства над краем с армянским населением. России была необходима и территория Карабаха, и его коренное армянское население.

Третьим государством, имеющим в регионе свои интересы, была Турция. Ей оказывали содействие местные тюркские племена, вожди которых традиционно придерживались протурецкой ориентации. Турецкий султан стремился занять берега Каспийского моря, вытеснить оттуда персов, накрепко закрыв тем самым двери Закавказья перед Россией.

Политическую реальность конца XVIII - начала XIX вв. характерно описывает историк Ф. Абасов. Он пишет: "Среди неразрешенных до сих пор кавказских проблем уже более 200 лет стоит проблема взаимоотношений в отнюдь не равностороннем треугольнике Россия-Азербайджан-армяне. В этой конфигурации сегодня важной составной частью является Карабах, превратившийся в яблоко раздора в начале XXI века, что связано, в первую очередь, с двумя субъектами международного права второй половины XVIII - начала XIX веков: Гарабагским ханством и Российской империей, а также с Османской и Иранской державами" [8, с.91].

Если считать, что в указанном треугольнике под «армянами» Ф.Абасов подразумевает Карабах, то эта конфигурация, на наш взгляд, должна выглядеть по-иному: Россия-Азербайджан-Карабах. Возможно, именно это он и имел в виду, чтобы указать на актуальность и современность проблемы. А вот топоним "Азербайджан" в начертанной им фигуре никак не увязывается с действительностью. Весьма абсурдно приписывать территориально-политическое образование второго десятилетия XX века к историческим реалиям более чем двухвековой давности. Очевидно, под "Азербайджаном" Ф.Абасов имеет в виду Карабах с его лжеханом Ибрагимом, где на рубеже XVIII - XIX веков армянский народ и его мелики представляли реальную политическую силу. Из этого следует, что выдуманный Ф. Абасов

На нелегитимность Панаха в статусе хана указал русский историк П.Бутков. Он пишет: "Карабах есть страна, лежащая между левым берегом Аракса и правым – реки Кура... Крепчайшее по местоположению селение здесь Шуша. Оно принадлежало мелику Шахназару Варандинскому, который, посорившись с другими двумя меликами, вошел в союз с Панах-ханом, незнатным владетелем кочующего близ Карабаха Чеванширского (Джеванширского) татарского народа..., уступил ему Шушийскую деревню...[3]". Заметим, что П.Бутков подтверждает факт о том, что мелик Шахназар вступил в союз с «кочующим» Панахом, носившим ханский титул, чтобы использовать его как ударную силу в борьбе против меликов. Указание на Панаха как узурпатора, мы находим в описаниях местностей "ближним к Грузии и Кахетии, где какое воинство и какой народ обитает жительство..." царя Ираклия, которое гласит: "... когда же персидского шаха не стало, то с их стороны один человек (Панах – С.Д.), закону магометанскому и от народа жеванширского, принял силу: среди того правления Хамсы (Карабах – С.Д.) состоит старинная крепость, которая им обманом взята..." [4].

Власть Панаха в статусе «лжехана» в 1762 году беспрепятственно перешла к его сыну Ибрагиму, который также не был коронован со стороны персидского сюзерена, поскольку всеперсидского шаха до 1796 года в стране не существовало.

вым «Карабах», который он отождествляет с Азербайджаном, стал "яблоком раздора" спустя 200 лет. При этом, чтобы придать большую значимость своему "открытию", он приравнивал Карабах, который имел статус ханства и де-юре и де-факто был политико-административной частью Персии, к субъекту международного права, такого, как Российская империя, что является абсурдом. При этом, включая армян в этот треугольник, он фактически признает их как реальную силу в российско-персидских военно-политических отношениях конца XVIII - начала XIX веков.

Историческая реальность политического состояния Арцаха-Карабаха, как политико-административного субъекта Персии конца XVIII - начала XIX веков, выглядела примерно так: Персия → Арцах-Карабах ↔ Россия, где Персия стремилась удержать Карабах в своем составе, армянство Карабаха тяготело к России, а она старалась утвердиться в Закавказье. Хан Карабаха не играл особой роли; он метался от к Персии к России с целью удержать власть.

На рубеже XVIII – XIX вв. российско-армянские отношения перешли на новый этап своего развития. Чтобы не потерять армянский Карабах, Россия должна была ускорить его присоединение к России. Дорога к Карабаху пролегла через Грузию. 12 сентября 1801 года император Александр I, получив положительный ответ Государственного совета, подписал манифест о принятии Грузии в состав России. Этот исторический акт создал реальную почву для присоединения армянского Арцаха-Карабаха и всей Восточной Армении к России [6, с.60].

В правительственной инструкции, данной генералу Кноррингу, в части, касающейся армянского народа, отмечается: "К особенному же наблюдению вашему, представляем привлекать к себе нацию армянскую всякими обласканиями. ... по многочисленности сего племени, в сопредельностях к Грузии есть один из надежнейших к приумножению силы народной и вместе к утверждению вообще по верности христиан" [6, с.66]. Таким образом, армянский народ в российской правительственной инструкции характеризуется как "надежный союзник", необходимый России.

Присоединив Грузию, Россия продолжила последовательно проводить свою политико-административную линию. Военная и гражданская власть была сконцентрирована в руках находившегося в Тифлисе главнокомандующего русскими войсками генерала П.Д. Цицианова*. Некоторые Прикаспийские ханства Персии (Кубинское и Талышское) подписали сепаративные договора (26 декабря 1802 г., г. Георгиевск), согласно которому Россия взяла их под свою защиту от Персии [9, с.156].

20 ноября 1803 года русские войска двинулись на Гандзак (Гянджа). П.Д.Цицианов призвал гянджинского Джавад-хана покориться и сдать крепость, выдать ему в качестве заложника сына, а также выплатить компенсацию за ущерб, нанесенный тифлисским купцам [2, док. 1172, с. 588; док.1175-1179, ц.590-591]. Джавад-хан отверг предложения русского генерала. Шушинский хан Ибрагим понимал, что после Гянджи русские повернут к Карабаху; поэтому он послал в помощь Джавад-хану две пушки [2, док.1387, с.685]. Гянд-

* Князь Павел Дмитриевич Цицианов (1754-1806) был назначен главнокомандующим русских войск на Кавказе 11 сентября 1802г. Согласно историку Б.Улубабяну он был грузинским князем П.Цицианавили [11]. По другой версии, П.Цицианов происходил из старинного армянского княжеского рода Арцаха [12].

жинский хан решил вступить в бой с П. Цициановым и тем самым подписал приговор не только городу, но и себе и своему сыну. 3 января 1804 года П.Д. Цицианов взял Гянджу. Он сразу оповестил об этом петербургский двор и предложил "дать Гяндже российское наименование "Елизаветполь"[6, док. 165, с.193].

После взятия Гянджи, 8 января 1804 года П.Д. Цицианов отправил в Шуши самозваному хану Ибрагиму письмо следующего содержания: "Российская армия овладела Гянджой, а вы не приветствуете и не ищите покровительства сильного. Я надеюсь, что... будет(е) следовать общему правилу, что слабый сильному покоряется и не мечтает с ним тягаться... буду ждать от вас доверенную особу или одного из детей ваших для постановления правил, на каких вы можете быть приняты" [2, док. 1416, с. 696].

П. Цицианов ждал прямого ответа от хана. Ибрагим же решил задобрить русских, как это принято в мусульманском мире при решении сложных политических и военных проблем. Ему казалось, что достаточно оказать посланнику П.Цицианова майору Д.Лисаневичу почести, и тогда П.Цицианов обойдет Карабах.

4 февраля 1804 года П. Цицианов отправил второе письмо Ибрагиму, которое по тону резко отличается от первого. Он писал: "Письмо ваше, наималейшего существа дела в себе не заключающее, но коварной души. Персидский образ изъясляющее во всей полноте, я получил; ни словесные донесения, ни (так как вы сделали) письменные постановления, ... без подписи и печати, не принимаю, и вы за таковую Персидскую политику кровию своею заплатите, как и Джавад-хан. Я вашей покорности и подданства не желаю и не желал, поелику я на вашу Персидскую верность столько надеюсь, сколько можно надеяться на ветер; ... и ждите ноураза, ждите Баба-хана (шах Персии) помощи, а я в свое время без ожидания вас посещу. Я знаю, что доколе я под Ганджею стоял, вы дрожали как лист на дереве и так бы не отвечали; я знаю, что до прихода моего под Ганджу, как трусливый заяц и лъстивая лисица... не смели вы в сем слоге говорить, как теперь, считая меня в отдалении. Но верьте мне, что и Ганджинского войска довольно, чтобы вас во все сокрушить; верьте мне, что неприступность вашей крепости для Русских будет легка; увидите то на деле... Слыхано ли на свете, чтобы муха с орлом переговоры делала; - сильному свойственно приказывать, а слабый родился за тем, чтобы сильному повиноваться... Призываю вас к раскаянию..." [2, док. 1417, с.696; 5, док. 132, с. 142].

Такое объемное цитирование письма П. Цицианова объясняется необходимостью показать, что еще до заключения трактата князь П. Цицианов был осведомлен о нравах Ибрагим-хана.

Подобный стиль обращения князя П. Цицианова к Ибрагиму выдержан и в письме от 26 мая 1804 года, где П. Цицианов обличал его как вора и главаря банд в крае. Он напомнил ему, что знает о похищенном у гянджицев (елизаветпольцев) и не возвращенном по его требованию целом табуне, а также о нападении на его разъезд и похищении... 292 лошадей [2, док.1418, с. 697; 5, док. 133, сс.142-143].

Обвинив Ибрагима в воровстве и выразив недовольство его поведением, П.Цицианов писал: "... не следовало бы мне вступиться за вас и взять в защиту от Персии, кои вам по обыкновению своему выкололи бы глаза или отрезали нос или уши, хотя, повторяю, должно бы было мне предать вас в их руки и потом отнять у них Шушу..." [2, док. 1420, с. 697; 5, док. 133, с. 143].

Участь Ибрагима, удостоившегося подобной риторики, была решена. Для П. Цицианова он не представлял какой-либо военной угрозы. Ибрагим не мог не догадываться, почему русский генерал П. Цицианов решил вести себя с ним неучтиво, рекомендуя ему не идти по стопам Гянджинского хана, и смирился с ярлыком «труса», присвоенным ему П. Цициановым.

Словесная перепалка Цицианова с Ибрагимом вела к неизбежному военному столкновению. Но концовка упомянутого письма от 26 мая 1804 года приобрела иной тон. От имени царя П. Цицианов предложил Ибрагиму принять условия подданства: а) соблюдать верность; б) утвердить это присягою; в) отдать крепость для житья войску; г) дать в аманаты старшего сына; д) платить 10 т. (тысяч) червонных [2, док. 1420, с. 697].

Подобную смену тона письма азербайджанский историк Ф. Абасов объясняет следующим образом: "Цицианов избегал военного столкновения с Ибрагимом, "ибо, в нем, он (Цицианов) видел более "серьезного" противника, чем Джавад-хан" [8, с.103]. Но если бы П. Цицианов рассматривал Ибрагима как достойного противника, то, по всей вероятности, вторая часть письма была бы составлена в виде отдельного обращения к нему, ибо трактат на основе условий, предложенных П.Цициановым (26.05.1804г.), был подписан только через год, в мае 1805 года. Не заметить этого Абасов не мог. Во-первых, все свидетельствовало о том, что Россия стояла на пороге русско-персидской войны. Поэтому необходимо было изолировать Ибрагима в Шушинской крепости, быть уверенными в его честности и не дать ему возможность примкнуть к персидским войскам.

Во-вторых, азербайджанские авторы не желают замечать и того, что, обращаясь к хану, П. Цицианов, прежде чем перейти на "дипломатический язык", насмехается над его "ханским" достоинством. Неслучайно П.Цицианов напоминает: "Я слово держать умею, никогда не лгал и боюсь всемогущим Богом, что иной дороги нам к благополучию нет, и что вы будете счастливы, лишь бы верность словесныя пересказывании я принимать не буду, а требую все письменно" [2, док.1420, с. 697; 5, док. 133, с. 143], в противном случае он может оказаться в руках персидского шаха, где ему "выкололи бы глаза или отрезали нос или уши".

В-третьих, П. Цицианову было известно, что «политическое лицо» Карабаха не могло быть представлено лишь ханом - самозванцем. Он был убежден, что реальная сила Арцах-Карабаха - это армяне, составляющие абсолютное большинство населения края, а также его армянские мелики и сотники, которые находились в окружении генерала. Армянское население Карабаха, по данным рапорта П.Цицианова царю Александру I от 22.05.1805г. (на рубеже XVIII – XIX вв.), составляло 40 тыс. домов. В начале XIX века армянское население Карабаха составляло 25 тыс. семей, еще 8 тыс. армянских семей Карабаха, бежавших от Ага Мухаммед шаха в 1797 году, находились в Ширванском ханстве [2, док. 1434, с. 702; 12, с. 121; 5, с. 97].

В начавшейся русско-персидской войне геополитическая значимость Карабаха как субъекта, имеющего решающее значение для края, становится все более важной. Для России Карабах был воротами в правобережную Персию, которая, потеряв Карабах, лишилась бы всего Южного Кавказа. Поэтому персы использовали все свои военно-политические возможности, чтобы удержать Арцах-Карабах в сфере своих интересов.

Чтобы удержать Карабах и помешать сближению П. Цицианова с Ибрагим-ханом, персидский шах Фатали в январе 1805 г. послал в Карабах пятитысячный отряд во главе с сыном Ибрагима Абульфатом, который находился у шаха в качестве аманата. Сражение произошло в районе села Тог, центра меликства Дизак. Потерпев поражение от армянских ополченцев, Абульфат отступил из Карабаха обратно в Персию [24].

Историк М. Исмаилов, стремясь оправдать Ибрагима, цитирует послание шаха (причем делает это на свой лад, позаимствовав текст у хрониста первой половины XIX в. М. Дж. Дживаншира), адресованное Ибрагиму: "...весь Карабахский вилайет со всеми его доходами, поступающими в казну, ... передается в вечное пользование Ибрагим хану и его потомкам..." [25]. Но в первоисточнике в шахском послании значится не "Карабахский", а "Карадагский вилайет" [21, с. 20]. Очевидно, зная нравы Ибрагима, шах решил дополнительно передать ему еще и доходы от "Карадагского вилайета", при условии, чтобы тот не сотрудничал с Россией. Но историк М. Исмаилов осознанно искажает исторический документ, подменив шахский "Карадаг" на "Карабах", на "вечное пользование" ему и "потомкам", чтобы показать благородство Ибрагима и его приверженность к России, придав этому факту иной смысл: якобы Ибрагим осознанно отказался от шахских обещаний (материальных и политических), чтобы оказаться в составе России. На самом деле Ибрагим, стремившийся сохранить свою власть, не мог отказаться и от даров шаха, и от благосклонности русского царя. П.Цицианов в письме (29.05.1804 г.) министру иностранных дел России А.Е.Чарторыйскому писал: "Ибрагим хан Шушинский, страшаясь движения Персидских войск, прислал ко мне посланца своего с изъявлением покорности и усердия своего к Е. И. В., ... Хотя же я совсем тем весьма удостоверен, что на обещания Персидских ханов полагаться никак невозможно, - уверен будучи, что один только страх приближения отряда, более, нежели все убеждения могут над ними подействовать" [2, док.1421, с.697]. Таким образом, взвесив предложения российского генерала П. Цицианова и персидского шаха, Ибрагим согласился с условием договора, предложенного русским генералом. В письме П. Цицианова от 9 мая 1805 г. министру иностранных дел России А. Чарторыйскому говорится: "Имею честь сообщить, что завтрашний день выступлю из Елизаветполя... для свидания с Ибрагим ханом Карабахским и для окончания с ним постановления и выступления его в покровительство и подданство Всероссийское" [2, док. 1435, с. 702].

14 мая 1805 года на берегу реки Курак* (в северной части Арцаха) между генералом П. Д. Цициановым и самозванным ханом Ибрагимом был подписан трактат. Согласно принятому трактату (артикул первый), Ибрагим дал торжественную клятву: "Я – Ибрагим-хан Шу-

* Река Курак течет по территории Гюлистана, исторического Арцаха-Карабаха. В тюркской топонимике она называется "Куракчай", где Курак (или Кюрек на тюркском)- название реки, а «чай» - в переводе с тюркского "река". В первоисточниках XIX века нет топонима "Куракчай". Одинадцатый артикул трактата от 14 мая 1805 г. гласит: "В достоверие чего нижеподписавшиеся подписали сии артикулы и приложили к ним свои печати в лагере Елизаветпольской округи, при р. Курак в лето от Р.Х. 1805-е (...) мая месяца (...) 14-го дня" [32]. Генерал П.Цицианов в письме генералу Портнягину от 23 мая 1805 г. сообщает: "14-го числа сего месяца... Ибрагим – хан Шушинский... прибыв в занимаемый мною лагерь Елизаветпольской округи при р. Курак, для поднесения ключей Шушинской крепости, в присутствии моем учинил присягу на верность Е.И.В..." [33]. Военный историк XIX в. В.Потто в известной работе "Первые добровольцы Карабаха..." указывал: "... родовые уделы армянских меликов... занимали все пространство от Аракса до реки Курак, ..." [34].

шинский и Карабахский, именем моим наследников и преемников моих торжественно навсегда отрицаюсь от всякого вассальничества или, под каким бы то титулом не было, от всякой зависимости от Персии или иной державы, и сим объявлю перед лицом всего света, что я не признаю над собою и преемниками моими иного самодержавия, кроме верховной власти Е.И.В. Всероссийского великого Г.И. ... обещая тому престолу верность, яко верноподданный раб оного, - в им и должен дать присягу по обычаю на святом Коране" [2, док. 1436, с. 705].

Ибрагим обязался не иметь "сношения с окрестными владетелями"; выделить помещения для проживания российских солдат (500 человек), штаба и офицерского состава, "заготовлять на вышесказанные войска потребное число" пшеницы и просяных круп по умеренной цене; вносить в казну Е. И. В. 8 000 червонцев в год; а также "сверх на верность, дать в аманаты старшего сына и внука на "всегдашнее пребывание" в Тифлисе [2, док. 1436, с. 706].

П.Цицианов сообщает императору Александру I в рапорте от 22 мая 1805 года: "Имея счастье всеподданнейше поднести В. И. В. ключи Шушинской крепости и трактат, заключенный с Ибрагим-ханом Карабахским, о вступлении его со всем семейством и Карабахским владением в вечное подданство В. И. В. ... с сим новым расширением Российской империи..., что сие владение, обратившееся в одну из провинций, приобретено не мечем и не военного рукою..." [2, док. 1436, с. 7021-703].

Какова же позиция современных азербайджанских историков по этому трактату? Историк Р.Мустафа-заде пишет: "... именно с него (*Карабаха – С. Д.*) начался процесс поэтапной интеграции азербайджанских земель в состав Российской империи" [20, с. 164]. Такого же мнения придерживается и Г.Гасанов, заявляя: "Участь Гарабагского ханства была тяжелым моральным ударом для всего Азербайджана. Это событие явилось своего рода разрушительным знаком на пути к капитуляции других ханов и ускорило процесс завоевания остальных земель" [16, с. 144]. Не трудно заметить, что целью вышеуказанных историков является попытка представить современным русскоязычным читателям военно-политические действия петербургского двора по присоединению этих территорий к России, в т. ч. армянского Карабаха, под вымышленным названием "азербайджанские земли", чтобы обосновать принадлежность исторического Арцаха-Карабаха современному Азербайджану.

Историк С. Алиярлы утверждает, что трактат касается "перехода ханства (не Карабаха, а именно ханства) под власть России..." [10, с. 24]. Очевидно, он имеет ввиду, что российские власти отдали предпочтение "ханской власти", т. е. тюркскому магометанскому началу, а не Карабаху в целом с его армянскими меликами и населением. Иначе говоря, для С.Алиярлы вся ценность этого трактата состоит в том, что он был подписан Ибрагим - ханом, представителем иной религии. Но С.Алиярлы не хочет замечать, что П.Цицианов и в период переписки, и в самих условиях трактата, а также в момент заключения самого трактата, старался преуменьшить участие Ибрагима. С.Алиярлы заканчивает свою мысль фразой: "И ничего тут не поделаешь – имя Карабахского или Зангезурского армянина на этом трактате искать бесполезно" [10, с. 25].

К сведению С. Алиярлы, а) армянские мелики со своими подданными, совместно с русской армией П. Цицианова были готовы штурмовать позиции Ибрагима, если бы он отказался отвечать на уговоры и угрозы русского генерала. Но Ибрагим не мог этого сделать,

поскольку был всего лишь самозванным ханом, поэтому он безропотно дал свое согласие по-виноваться русскому оружию. В тексте трактата отсутствие упоминания меликов связано с тем, что Цицианову и всему российскому двору были известны позиция армянских меликов. Они приветствовали русское войско на территории Арцаха-Карабаха. Необходимо было обезвредить самозванного хана, чтобы в начавшейся войне он его сородичи (в Шеки, Ширване и Баку) не делали попыток навредить русским войскам.

Среди азербайджанских историков, проявивших интерес к трактату, значится также Т. Кочарли. Обращаясь к данной проблеме, он пишет: "... в 1805 г., когда со стороны России генерал Цицианов и со стороны Карабахского ханства Ибрагим-хан Шушинский и Карабахский подписали договор о переходе Карабахского ханства под власть России, правящие круги не использовали свою «христианскую» карту Карабаха. К этому времени не было ни Потемкина, ни Екатерины II. Может быть, просто забыли о плане Потемкина и об обещании Екатерины II армянским меликам, или же вынашивали какие-то другие планы" [18, с.41].

Очевидно, что Т. Кочарли осведомлен о том, что Российская империя в лице Екатерины II и Г. Потемкина в 80-е годы XVIII века всерьез рассматривала вопрос о создании на территории исторической Армении и Арцаха-Карабаха армянского государства. Но Т. Кочарли забывает, что внешнеполитические акции России, направленные на освобождение поработенных народов, в то же время исходили из национальных интересов самой России. В этом отношении бесспорно, что продвижение России в Закавказье не могло не иметь карабахской подоплеки. Поэтому возникает вопрос: а чью же "карту" использовала Россия в начале XIX века при подписании трактата на берегу Карабахской реки Курак, если не христианскую карту Карабаха? Нетрудно заметить, что Т. Кочарли, противореча себе, вынужден признаться: "... правящие круги России проявляли особую заботу о карабахских армянах" [18, с. 41]. Иначе и не могло быть. Карабах сохранил свое армянский облик, даже если под трактатом пришлось подписаться Ибрагиму. Трактат есть результат сотрудничества российского правительства с армянскими меликами и духовными лицами. В завершающей фазе подготовки к подписанию трактата Ибрагим был самым подходящим подписантом, ибо за этим трактатом должны были последовать трактаты с Шекинским, Ширванским и Бакинским ханствами. Вряд ли их ханы-правители согласились бы подписать подобный (как от 14 мая) трактат, если бы под ним стояли подписи армянских меликов.

Военно-политические деятели России знали, что реальная сила в Карабахе находится в руках его армянского населения и армянских меликов. К концу войны, 15 сентября 1813 года, подводя ее итоги, царь Александр I счел необходимым выступить со специальным обращением к армянскому народу. Он отметил роль армянского народа и его сыновей, которые проявили чудеса героизма и преданности Российскому императорскому престолу. "Они отличались примерным постоянством и преданностью в своем усердии к нам и Престолу нашему, жертвуя имуществом своим и всеми средствами и самой жизнью", - писал в своем обращении царь [26, с. 258].

Российский историк второй половины XIX века П. Бутков, характеризуя поведение Ибрагима, говорил его скрытом коварстве и о том, что он одновременно опасался как персидского шаха, так и русского царя. Он "был между двух огней: страшно было ему покориться врагу своему Ага-Магоммет-хану, но не менее опасно лишиться от россиян своего владения" [14, с. 405]. Впоследствии он постоянно проявлял трусость, а его "скрытое ко-

варство" приобрело большую изощренность. Ибрагим продолжал с недоверием относиться к двум монархам; разница между ними для хана состояла лишь в том, что персидский Фаттали шах за предательство мог отрубить ему голову, несмотря на то, что Ибрагим подарил ему свою дочь, а российский царь Александр I – лишить его права "владеть" Карабахом как самозванца и предателя.

Очевидно, что Ибрагим был бы даже рад, если П. Цицианов в качестве подписантов трактата пригласил бы армянских меликов. Тогда Ибрагим мог бы оправдаться перед шахом и выставить себя преданным ему правителем, а меликов представить, как "сепаратистов", его потенциальных врагов.

Христианской России был необходим христианский Арцах-Карабах с его армянским населением. Поэтому генерал П. Цицианов предпочел подписать предателя Ибрагима, а не армянских меликов. В российской дипломатической практике такие "договоры" получили известность как "шерты", что означает клятва, договорные отношения [27, с.158; с.587]. Отсюда и "шертная грамота" или "шертонать" – т. е. клясться. Такие соглашения изначально основывались на неравноправных позициях сторон, что следовало из конкретного содержания документа. В ходе русско-персидской войны заключение по инициативе России подобных соглашений, в частности Куракчайского (14.05.1805 г.), Шекинского и Ширванского (25 декабря 1805 г.) трактаты) [2, док. 1366, с.676-677] стало реальной необходимостью для обеспечения мирного тыла. Трактат был нужен России на период войны, и она его добилась.

Азербайджанские авторы активно проталкивают миф о т. н. «Карабахском 'ханстве', как о "азербайджанском государстве" "субъекте международного права", "независимом государстве" [8, с.107; 28, с. 225]. Вряд ли найдется хоть один исследователь, который сочтет слова П. Цицианова "слыхано ли на свете, чтобы муха с орлом переговоры делала", образцом общения равных сторон в дипломатической переписке и отношений равноправных субъектов международного права. Карабах был зависимым административным образованием в составе Персии. Об этом можно судить по «Клятвенному обещанию» Ибрагима, в котором он заявляет, что отрекается "от всякой зависимости от Персии..." [2, док. 1436, с. 405], и по содержанию трактата от 14 мая 1805г.

Следует также учесть, что по решению МИД России трактат был опубликован только на русском языке, что также является важным аргументом в пользу неравноправности сторон. Обычно, если стороны занимают равные позиции, трактаты составляют на языках подписантов. Использование персидского языка наравне с русским для составления трактата означало бы признание Ибрагима в качестве главы государственного субъекта, чего петербургский двор не мог допустить.

Антироссийская политика Ибрагима, которая в конце концов привела к его гибели, доказала, что его "Клятвенное обещание", его личная подпись под трактатом были всего лишь ширмой: на деле он остался ярким врагом России. П. Цицианов, зная нравы Ибрагима, был уверен, что в удобный момент он предаст забвению свою клятву. Вскоре такая возможность наступила. После убийства П. Цицианова* Ибрагим почувствовал себя свободным от всяких

* Убийство П. Цицианова произошло 8 февраля 1806г. в Баку во время церемонии подписания трактата с Бакинским ханом.

обещаний. Он решил перейти к персам. Однако в военное время подобные поступки не прощаются, и он был наказан по заслугам (8 мая 1806 г.). Комендант Шушинской крепости Д. Лисаневич и мелик Варанды Джумшуд выполнили свой долг: Лисаневич – военно-государственный, перед российским командованием, а мелик Джумшуд – гражданский и национальный. "Мелик Джумшуд отомстил не только за себя, но и за других меликов. Его отец, - пишет Раффи, - возвысил этого злодея и за это был осужден и проклят всеми карабахцами. А достойный сын недостойного отца искупил его грехи" [24, с. 142].

Военно-политическую роль Курацкого трактата на протяжении всей войны 1804-1813гг. трудно переоценить. Он исключил возможность объединения (во всяком случае, видимого) шахских сил с силами хана и возникновению открытого антироссийского альянса ханств левобережной (р. Аракс) части Персии. Этот трактат потерял силу с окончанием русско-персидской войны и принятием Гюлистанского договора в октябре 1813 года. Таким образом, присоединение Арцаха-Карабаха к России было закреплено в Гюлистане в 1813г. договором между Россией и Персией, а не "Куракским" трактатом в 1805г., как утверждают азербайджанские историки. Согласно договору 1813г., Карабах был включен в единое российское политическое, экономическое и социальное пространство, в котором отныне жил и созидал армянский народ. Гюлистанский договор установил мир на всей территории Карабаха, покончил с произволом чужеземных правителей, дал возможность армянству Арцаха-Карабаха сохранить свой очаг для последующих поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаджиева З., Карабахское ханство: социально-экономические отношения и государственное устройство. Изд. "Тахсил", Баку, 2008, стр. 18.
2. Абасов Ф., Гарабагское ханство, изд. "Тахсил", Баку, 2007, стр. 32.
3. Бутков П., Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. 2, изд. Л.Броссе, СПб, 1869, сс. 385-386.
4. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия относящиеся к Грузии, т. 1, с 1769 по 1774 год, Под. ред. А.А.Цагарели, СПб, 1891, стр. 434.
5. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы. Т. 1. Под. ред. Ю.Г.Барсегова. М., "Кругъ", 2008, стр. 239.
6. Абасов Ф., указ. соч., стр. 91.
7. Присоединение Восточной Армении к России. Сб. док. под. ред. Ц.П.Агаяна, т. 1 (1801-1803), АН Арм. ССР, Ереван, 1972, стр. 66.
8. Агаян Ц. П., Роль России в исторических судьбах армянского народа. М., "Наука", 1978, стр. 156.
9. Акты собранные Кавказскою археологическою комиссиею, т. 1. Под ред. А.Д.Берже, Архив Главного управления наместника Кавказского, Тифлис, 1866, док. 1172, стр. 588; док. 1175-1179, сс. 590-591 (далее АКАК).
10. АКАК, т. I, док. 1387, стр. 585.
11. Ուլուրարյան Բ., Արցախի պատմությունը սկզբից մինչև մեր օրերը, «Մ.Վարդանյան», Երևան, 1994, էջ 172:
12. Հայազնի S., Ղազարյան Գ., 1000 հայ գեներալներ և ծովապետներ, Երևան, 2009, էջ 268:

13. АКАК, т. II, док. 1416, стр. 606.
14. АКАК, т. II, док. 1417, стр. 696.
15. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Т. 1, док. 132, стр. 142.
16. АКАК, т. II, док. 1418, стр. 697.
17. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Т. 1, док. 133, сс. 142-143.
18. АКАК, т. II, док. 1420, стр. 697.
19. Там же.
20. Абасов Ф., указ. соч., стр. 103.
21. АКАК, т. II, док. 1420, стр. 697.
22. Там же, т. II, док. 1434, стр. 702.
23. Маркарян С. А., История Ирана в середине века. Изд. "Книга", Ростов-на-Дону, 2010, стр. 350.
24. АКАК, т. II, док. 1418, стр. 697.
25. Исмаилов М., Карабах в XIX - начале XX века.- Карабах. История в контексте конфликта. изд. "Вестник", СПб, 2014, сс. 230-231.
26. М. Дж. Джеваншир Карабахский, История Карабаха. Баку, 1989, (электронный ресурс - <http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1154.html>).
27. АКАК, т. II, док. 1421, стр. 697.
28. Там же, т. II, док. 1435, стр. 702.
29. Там же, т. II, док. 1436, стр. 705.
30. Там же.
31. Там же, сс. 702-703.
32. Там же, стр. 705.
33. Там же, док. 1438, стр. 707.
34. Потто В., Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества (Мелик Вани и Акоп-юзбаши Атабековы), "Интер Весы", М., 1993, стр. 5.
35. Мустафа-заде Р., Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1920 гг. "МИК", М., 2006, стр. 164.
36. Гаджиева З., указ. соч., с. 144.
37. Алиярлы С., Республика Азербайджан: заметки о государственных границах в прошлом и настоящем. - Карабах. История в контексте конфликта. сс. 14-43, изд. "Вестник", СПб, 2014, стр. 24.
38. Там же, стр. 25.
39. Кочарли Т., К истории Карабахского вопроса (вымыслы и действительность), "Eldar", Баку, 2009, стр. 41.
40. Там же.
41. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. т. 1, Тип. Лазаревых Ин-та восточных яз., М., 1833. стр. 258.
42. Бутков П., указ. соч., стр. 405.
43. Срезневский И.И., Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 3, вып.1, изд. Императорская АН, СПб,1903, сс. 158, 587.
44. АКАК, т. II, док. 1366, сс. 676-677.

45. Абасов Ф., указ. соч., стр. 107; Шукюров К., Кюрекчайский договор 1805 года между Россией и азербайджанским ханством: системный анализ. – Карабах. История в контексте конфликта. сс. 221-228. Изд. "Вестник", СПб, 2014, с. 225.
46. АКАК, т. II, док. 1436, с. 705.
47. Раффи, Меликства Хамсы, "Наири", Ереван, 1991, стр. 142.

РЕЗЮМЕ

К вопросу о куракском трактате 1805 года в русско-персидских отношениях и армянстве Арцаха-Карабаха Степан Дадаян

Статья посвящена событиям русско-персидской войны 1804-1813 гг. На основе анализа документальных источников представлены политические, военные и дипломатические маневры сторон, связанные с подписанием так называемого «Куракского трактата». Критически рассматриваются попытки ряда азербайджанских авторов представить укрепившегося в Шушинской крепости Ибрагим-хана как суверенного правителя края. Подписание трактата, согласно которому Арцах-Карабах перешел под покровительство России, стало итогом многовековой национально-освободительной борьбы армянского населения края с персидским владычеством и следствием прорусской ориентации армянского народа.

ԱՄՓՈՓԱԳԻՐ

Արցախ-Ղարաբաղի հայությունը 1805թ. Կուրակի պայմանագրի համատեքստում Ստեփան Դադայան

Բանալի բառեր՝ Արցախ-Ղարաբաղ, մելիքություն, Հայաստան, Կուրակի պայմանագիր, Ցիցիանով, Պարսկաստան, շերտային հավաստագիր, Գյուլիսանի պայմանագիր, Շուշի:

Սույն հոդվածում լուսաբանվում են 19-րդ դարի սկզբին Արցախ-Ղարաբաղի՝ Ռուսաստանին միանալու հետ կապված իրադարձությունները: Վավերագրական աղբյուրների վերլուծության հիման վրա ներկայացված են այսպես կոչված Կուրակի պայմանագրի հետ կապված կողմերի ռազմական, քաղաքական-դիվանագիտական խուսանավումները: Քննադատական մոտեցում է ցուցաբերվում մի շարք հեղինակների՝ Շուշիի ամրոցում նստած Իբրահիմ «խանին» որպես երկրամասի «սուլերեն կառավարչի» ներկայացնելու փորձերին: Արցախ-Ղարաբաղի միացումը Ռուսաստանին դարձավ պարսկական տիրապետության դեմ երկրամասի հայ բնակչության ազգային-ազատագրական բազմադարյա պայքարի արդյունք և հայ ժողովրդի ռուսամետ կողմնորոշման հետևանք:

SUMMARY

Armenians of the Artsakh-Karabakh in the context of the Kurak treaty of 1805

Stepan Dadayan

Keywords: Artsakh-Karabakh, Meliks, Armenia, Kurak Treaty, Tsitsianov, Persia, Oath Letter, Gulistan Treaty, Shushi.

The article deals with events related to the process of the joining of Artsakh-Karabakh to Russia at the beginning of the 19th century. Based on the analysis of documentary sources, military, political and diplomatic maneuvers of the parties are presented, relating the signing of the so-called Kurak treaty. The attempts of a number of authors to present Ibragim-“Khan”, entrenched in the Shushi fortress, as a “sovereign ruler” of the region, are critically considered. The joining of Artsakh-Karabakh to Russia was the result of the centuries-old national liberation struggle of the Armenian population against Persian dominion and a consequence of the pro-Russian orientation of the Armenian people.